

Горюнова Е.А.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ В КРЫМСКОЙ ДЕРЕВНЕ ГРУПП КРЕСТЬЯНСКОЙ БЕДНОТЫ

Для проведения своей политики на селе большевикам помимо советизации власти необходимо было создать опору в массах через общественные организации, которые должны были осуществлять реализацию ленинских планов о коллективизации и содействовать обострению классовой борьбы в деревне, целью которой было искоренение кулачества. Такими органами призваны были стать комитеты крестьянской бедноты (комбеды), которые Советская власть активно использовала в Центральной России с лета 1918 года. Аналогом комбедов в Украине стали комитеты незаможных селян, которые вели активную борьбу с кулачеством вплоть до 1926 года, а затем были преобразованы в сельскую общественную организацию и фактически утратили свое значение. Крым позже других включился в реализацию ленинской аграрной концепции, но и здесь комбедам отводилась важная роль в деле социализации и коллективизации села. Актуальность исследования в данном случае не вызывает сомнений, поскольку в деятельности комбедов четко прослеживается насаждение силовых методов управления деревней со стороны большевиков при полном игнорировании экономических факторов. Большевики рассматривали комбеды в качестве своей главной опоры на селе, оказывали им всяческую помощь и поддержку, сознательно шли на обострение социальных отношений в деревне, дабы использовать излюбленный принцип со времен Рима: "Разделяй и властвуй!". В результате проведения аграрной реформы в современной Украине была разрушена коллективная система хозяйствования и предпринимаются попытки создания новых форм аграрных отношений. При этом чрезвычайно важно, чтобы новые сельские объединения занимались решением глубоко экономических проблем и не использовались властными структурами для реализации своих политических целей.

Цель работы – проанализировать на основе архивных материалов политическую роль комитетов бедноты в Крыму после окончательного установления Советской власти.

Проблема деятельности комбедов в советской и отечественной литературе не стала предметом специального исследования, хотя ряд авторов (Данилов В.П., Панченко П.П., Поляков Ю.А., Бакуменко А.П., Водотыка С.Г., Волосник Ю.П., Морозов А.Г., Силин И.Г., Святец Ю.А.) в своих трудах затрагивал отдельные аспекты деятельности бедняцких образований на селе. Однако, в этих работах совершенно не затрагивается деятельность групп бедноты в Крыму, которые просуществовали гораздо дольше, чем подобные им структуры в других регионах СССР. В основу данного исследования легли материалы Государственного архива Крыма, в частности документы фонда обкома РКП(б)-ВКП(б).

Через несколько дней после освобождения полуострова от врангелевских войск в Симферополе состоялось объединенное заседание областного комитета РКП(б) и Крымского революционного комитета, посвященное решению насущных проблем крымской действительности. Одним из пунктов повестки дня был вопрос о комбедах, которые оказали неоценимые услуги Советской власти в разных частях страны. Большевики Крыма позже других принялись разрабатывать стратегию внедрения комбедов в жизнь деревни и столкнулись с серьезными трудностями. Дело в том, что к 1921 году большевики в связи с ростом недовольства крестьян вынуждены были внести изменения в программные установки и перейти от союза рабочего класса с крестьянской беднотой перейти к союзу с середняцкими массами деревни. Это нововведение пришлось учитывать крымским властям и несколько откорректировать намеченную стратегию, не отклоняясь при этом от главного курса. Крымский обком РКП(б) прекрасно понимал, что без помощи крестьянской бедноты большевикам не удастся приступить к реализации намеченного, поэтому уже с первых дней существования Советской власти на полуострове приступили к созданию групп крестьянской бедноты и к концу 1921 года их насчитывалось уже 186, объединивших в своих рядах 2878 человек [1].

Весной 1925 года комиссия ЦК РКП(б) обследовала деятельность Крымской партийной организации и обнаружила устойчивый рост числа групп крестьянской бедноты, которых насчитывалось уже 488. При этом количество членов этих групп отнюдь не возросло по сравнению с 1921 годом: 1328 крестьян-бедняков и 860 батраков [2]. Комиссии подобная раскладка не очень понравилась и проверяющие рекомендовали крымским органам власти активизировать свою деятельность по работе с деревенской беднотой, поднять батраков и бедняков на борьбу против кулацких элементов села, одновременно добиваясь всяческого укрепления союза бедняцких и середняцких масс. Но середняки по своим экономическим интересам все более тяготели к зажиточным слоям, а отнюдь не к беднякам, что явно противоречило планам партии. Секретарь Крымского обкома С.Д. Петропавловский критиковал местные партийные ячейки на пленуме обкома осенью 1925 года: "Середняк колеблется в сторону зажиточных хозяйств потому, что проводится неправильная политика в ячейках по отношению к середняку" [3].

Чем же были так недовольны середняцкие слои деревни? Прежде всего чрезвычайно политизированными шагами местной власти в отношении бедняков, которые получали многочисленные льготы и не прилагая особых усилий имели такое же материальное положение, как и середняки. Ежегодно от 25% до 40% бедняцких дворов освобождались от сельхозналога. При крымском сельскохозяйственном банке имелся специальный фонд помощи бедноте, из которого в 1926 году было выделено 504 010, в 1927 – 709 800, в 1928 – 712 375 рублей. Беднота ежегодно получала семенные ссуды: весной 1927 – 16246 центнеров, весной 1928 – 52 000 центнеров, весной 1929 – 130 000 центнеров, осенью 1929 – 240 000 центнеров [4].

Особыми привилегиями пользовались члены групп бедноты при раскулачивании, поскольку им передавалось все имущество и инвентарь попавших в опалу к Советской власти крестьян, им отдавалась половина продовольствия, укрытого от сельхоззаготовителей. Тем самым в деревне создавался слой крестьянст-

ва, который в силу своей политической ориентации пользовался максимальной поддержкой со стороны власти и не был заинтересован в развитии собственного хозяйства. Проводившиеся органами власти периодические обследования состояния питания различных социальных слоев деревни демонстрируют парадоксальную ситуацию: независимо от количества обрабатываемых земель уровень достатка у работающих и неработающих крестьян был практически одинаковым, а зачастую беспосевные крестьяне питались даже лучше малопосевных. Данные обследований за 1921–1923 гг. приведены в таблице [5].

Состояние питания сельского населения Крыма, выраженное в калориях в переводе на взрослого едока мужского пола

Периоды обследований	беспосевные	малопосевные	среднепосевные	многопосевные
Ноябрь 1921	2229	1924	2498	2670
Февраль 1922	801	1473	2082	2083
Февраль 1923	3188	3212	3440	3920

Из приведенных данных отчетливо видно, что рост калорийности питания беспосевных крестьян, как это ни странно, несколько опережал показатели хозяйств с посевами разной величины. На практике это означало, что государство оплачивало бедноте те услуги, которые она оказывала власти на селе. Однако, подобных мер оказалось мало и 24 мая 1926 года оргбюро ВКП(б) приняло специальное постановление "О работе среди бедноты", в котором этому направлению партийной работы следовало уделять особое внимание, поэтому "каждая партийная организация, каждая деревенская ячейка, каждый коммунист должны проводить изо дня в день основную часть массовой партийной работы в деревне". Ставилась задача дальнейшего "практического улучшения положения бедноты", повышения ее "удельного политического веса в Советах, кооперации и крестоммах" [6]. Вместе с тем постановление нацеливало все партийные организации на принятие мер по хозяйственному подъему бедноты и изживанию в ее рядах иждивенческих настроений.

Обсуждению этого постановления было посвящено совещание в Крымском обкоме ВКП(б), проходившее 28 мая 1926 года. Докладчиком по вопросу "О работе среди групп бедноты" выступил член президиума ОК ВКП(б) Шугу, который в свете новых решений партии призвал к пересмотру политики в отношении бедняков в крымском селе: "Мы дали беднякам инвентарь и семенную ссуду в 189.000 пудов. Теперь поднимается вопрос о прекращении выдачи семенных ссуд и каждый хозяин должен сам засеивать свое поле. Арендатор всегда зарабатывает на земле бедняков, а бедняк, при условии, что он засеивает свою площадь, выходит из состояния бедноты и подходит к середняцкому... Этот вопрос поднимается центром и мы не можем больше поддерживать бедняцкие хозяйства и от такой помощи надо отказаться" [7]. Казалось, что большевики решили отойти от политической заангажированности и наконец обратить внимание на абсурдность политики поддержки бедноты в таких масштабах. Однако, подобных перемен не произошло и в последующие годы помощь бедноте со стороны государства не только не уменьшилась, а, напротив, возросла в несколько раз. Государство продолжало содержать на своем обеспечении примерно третью часть крестьян, которым незачем было вести свое хозяйство, пахать и сеять, поскольку государственных дотаций хватало на безбедное существование их семей.

В декабре 1926 года в Симферополе был проведен пленум обкома ВКП(б), рассмотревший вопрос "О работе среди бедноты". Докладчик по этому вопросу Гуляев таким образом оценивал состояние дел в Крыму: "В практике крымских условий наши товарищи хотели оторвать бедноту от середняка и замкнуть эту работу только в кругу бедноты. Они хотели этим выполнить только одну часть задачи, то есть создать политическую силу, противопоставить ее кулацкой части деревни, но забыли про другую задачу, про завоевание середняка. Когда они замыкались в самодовлеющую организацию исключительно бедноты, то они порождали между собой и середняком тот разрыв, ту пропасть, которые ничем не заполнялись, ибо отодвигали себя от середняцкой прослойки в деревне и тем самым создавали в середняках недоверие, элементы недоброжелательства" [8].

После детального четырехдневного обсуждения вопроса пленум обкома принял развернутую резолюцию, провозгласив в ней главной задачей партии в деревне "организацию бедноты под руководством партячек в самостоятельную политическую силу в деревне, могущей служить организованной опорой пролетариату в борьбе за влияние на среднее крестьянство, за укрепление и развитие социалистических элементов в деревне" [9]. Основными формами борьбы были признаны открытые собрания партячек с приглашением на них бедняков и формирование групп бедноты при всех выборных сельских органах – сельсоветах, крестьянских комитетах, правлениях кооперации и земельных обществах. Вскоре после пленума обкома в деревне было направлено 118 уполномоченных обкома и 136 активистов от райкомов для организации групп бедноты. Эта работа возымела действие и к концу 1926 году на полуострове насчитывалось почти 2000 бедняцких групп [10].

В начале 1927 года были проведены обследования состояния и деятельности групп бедноты. В одних районах с членами групп проводились беседы политического содержания, в других – мероприятия культурно-просветительского плана, в третьих – периодически собрания бедноты. В Симферопольском и Севастопольском районах перед каждым собранием граждан села проводились совещания групп бедноты по обсуждению вопросов, которые предстояло решить на общем собрании. При этом беднота должна была лидировать на этих собраниях, так сказать задавать тон, оказывать влияние на ход собрания и его решения. Но так происходило далеко не всегда, и зачастую бедняки отставали на подобных собраниях не

политическую линию партии, а свои экономические интересы. Они требовали от партийных уполномоченных еще больших льгот для себя. Поэтому участники обследований бедняцких групп рекомендовали "прорабатывать все вопросы сначала в ячейках, не давать возможности развиваться в группах бедноты частично-индивидуальной психологии, сбиться с линии, которая ставится нашей партией и рабочим классом". Указывалось также и на факты действий подкулачников, которых можно было наблюдать "среди членов сельсоветов и настоящих деревенских пролетариев, которые рьяно защищают кулаков от советского закона и выступают против лишения эксплуататоров права на землепользование, доказывая их трудовой характер" [11].

Материалы обследований было решено обсудить на совещании в комиссии обкома ВКП(б) по работе в деревне в марте 1927 года. В центре внимания данного совещания оказался вопрос о том, какими должны быть собрания бедноты – закрытыми или открытыми. При обсуждении мнения выступающих разделились. Сторонник закрытых собраний Даутов аргументировал свое требование следующим доводом: "Бывали такие моменты, что некоторые коммунисты и сельсоветчики слишком перебарщивали и доводили на собраниях положение до того, что зажиточные элементы и середняки чуть не брали топоров...". Сторонник открытых собраний Мазиев приводил контраргумент: "Постановления наших центральных органов говорят определенно за то, чтобы работу с беднотой вести открыто... Поэтому и рекомендуется как одна из проверенных форм – созыв этих собраний после обсуждения на ячейке, кто должен присутствовать на них. После этого приглашения распространяются через отдельных членов ячеек и активистов-бедняков". В выступлении Юдина характеризовалось отношение различных слоев крестьянства к собраниям бедноты: "Беднота охотно идет на собрания, интересуется им и активно участвует на них. Средняки недовольны этими собраниями, особенно когда вывешиваются списки о сложении налога с бедноты... В этом году мы до копейки списали все задолженности с бедноты. Средняки понимают это так, что не могут быть на собраниях и потому обижаются" [12].

Выступивший на совещании секретарь обкома ВКП(б) С.Д. Петропавловский так оценивал работу групп бедноты: "Если мы будем форсировать эту работу, то возникает опасность, что мы оттолкнем от себя середняка. Мы можем замкнуть бедняков на своих интересах и не решим задачи привлечения середняка ко всей нашей работе..." [13]. Подобная практика все чаще приводила к обратной реакции, когда средние слои деревни все чаще объединялись с зажиточными и не хотели сотрудничать с бедняцко-батрацкими элементами. Поэтому в принятой по итогам совещания резолюции говорилось о том, что "собрания бедноты и группы бедноты приняли комбедовский уклон ... и с этим нездоровым уклоном следует всячески бороться" [14]. Однако, вполне разумные доводы Петропавловского и принятая резолюция не возымели должного действия на ход дальнейших событий. Директивы союзного центра требовали от низовых органов власти усиления работы с беднотой, вовлечения ее в систему органов диктатуры пролетариата и оживления через бедняцкие слои работы сельсоветов.

В течение 1928–1929 гг. обследования групп бедноты повторились. Собранный материал требовал срочных мер, поскольку во многих деревнях фактически наблюдались признаки раскола, отмечались многочисленные случаи, когда "ячейки делают ставку на бузотеров, которых немало в деревне", что дестабилизировало ситуацию. Ряд председателей сельсоветов прямо говорили о том, что партийная линия не соответствует действительности, поскольку у середняков и бедняков противоположные интересы. Но эти здравые мысли не воспринимались правящей элитой и политика классового подхода оставалась доминирующей.

4 марта 1928 года в газете "Красный Крым" была опубликована передовая статья "За дальнейшее сплочение групп бедноты", где освещались итоги проводившихся республиканских и районных конференций представителей групп бедноты. В частности, сообщалось, что в течение года в Крыму было вновь организовано 243 группы бедноты, состоялось 2459 собраний с участием 60.000 бедняков. Главным предметом обсуждения был вопрос о судебном процессе против Вели Ибраимова, который был признан виновным в перекосах национальной и земельной политики в Крыму. Перед местными органами ставилась задача скорейшего искоренения последствий "ибраимовщины", начались массовые кампании по выселению из Крыма помещиков и сужению прав зажиточных крестьян. Главными помощниками большевиков на селе в проведении этих мер должны были стать группы бедноты, которые в очередной раз полностью освободили от налогов, усилив тем самым налоговый гнет на другие слои деревни. Органы власти проводили данную политику под лозунгом укрепления союза бедноты с середняками [15].

Однако в реальности никакого единения бедняков с середняками не происходило, напортив, антагонизм с каждым днем усиливался, о чем свидетельствует содержание секретной докладной записки представителя ЦК ВКП(б) Досова, принимавшего участие в изучении положения дел в крымской партийной организации в 1928 году: "Крымская партийная организация переживает тяжелые времена. Лозунг поднятия активности бедняков и батраков вокруг Советов и создания единого фронта против кулачества реализуется крайне трудно. Беднота не пускает на свои собрания середняков. Удалось вовлечь в различные сельские органы около 20% середняков, но этот успех еще не закреплен, середняцкие слои открыто выражают свою неприязнь к беднякам, последние платят им тем же" [16]. Для представителей центра это означало "извращение классовой линии", сужение базы партии на селе и препятствия для проведения коллективизации. Перед крымской парторганизацией была поставлена задача по активизации роли групп бедноты для реализации партийных установок на селе.

10 октября 1929 в Симферополе состоялась II всекрымская конференция представителей крестьянской бедноты, на которой присутствовало 120 делегатов. В повестке дня стояли следующие вопросы: земельная реформа и задачи по ее осуществлению; колхозное и совхозное строительство в Крыму; задачи групп бедноты по проведению хлебозаготовок.

В принятой резолюции группам бедноты отводилась важная роль в проведении новой земельной реформы, ключевым направлением которой призвана была стать массовая коллективизация. Вся работа групп бедноты должна была осуществляться по трем основным направлениям: а) мобилизация общего мнения бедноты вокруг земельной реформы для отпора кулачеству; б) организация бедноты для проведения самой реформы; в) вовлечение бедноты в осуществление всех практических мероприятий Советской власти в деревне. Признавалась необходимость активизации работы среди батрачества, при этом бедняцко-батрацкие слои признавались "основной силой в деревне" [17].

Однако не все руководящие работники разделяли мнение партии о всемерной поддержке бедняцко-батрацких элементов, поскольку видели в подобной политике трагический исход для сельского хозяйства в рамках всей страны. В апреле 1929 года из печати вышла книга заместителя заведующего отделом ЦК ВКП(б) по работе в деревне Лациса "О бедноте". Заведующий отделом по работе в деревне крымского обкома партии Самединов к названию книги дописал: "и лодыре", что отражало реальное состояние дел на селе. Однако, эти резкие замечания дальновидных политиков и хозяйственников оставались без внимания перед стратегическими планами массовой коллективизации села, при проведении которой большевики могли рассчитывать на бедняцко-батрацкие элементы.

Таким образом, несмотря на провозглашенный на VIII съезде РКП(б) в 1919 году курс на формирование союза рабочего класса с середняком, в реальной политике большевиков до конца 20-х годов четко прослеживалась ориентация на бедняцко-батрацкие слои, которым оказывалась всемерная помощь. Эта категория крестьян совершенно несостоятельная экономически была очень выгодна большевикам с политической точки зрения, поскольку с ее помощью можно было проводить разжигать классовую рознь, столь необходимую для ликвидации кулачества как класса. В результате наиболее активные в хозяйственном отношении слои деревни были обречены на гибель, а беднейшие категории села призваны были стать в авангарде коллективизации. Таким образом, противоречивая и непоследовательная политика Советской власти, активная поддержка непроизводительной части деревни в лице бедняков и усиление налогового гнета на зажиточных крестьян, а также постоянное противопоставление бедноты другим социальным слоям стали причиной экономического дисбаланса и нестабильности на селе.

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф.1.– Оп.1. – Д.60. – Л.1
2. Там же. – Л.13
3. ГААРК. – Ф.1. – Оп. 1. – Д.373. – Л.14
4. Там же. – Д.928. – Л.6
5. Отчеты ЦИКа, СНК, наркоматов и госучреждений Крымской АССР. 1923. – С.415
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.,1970. – Т.3. – С.328–330.
7. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.574. – Л.23
8. Там же. – Д. 457. – Л.100.
9. Там же. – Л. 306.
10. Там же. – Д. 256. – Л. 34.
11. Там же. – Л. 37.
12. Там же. – Д.457. – Л.120.
13. Там же. – Л. 134.
14. Там же. – Л. 136.
15. Красный Крым. – 1928. – 4 марта.
16. РГАСПИ – Ф.17. – Оп.16. – Д.421. – Л.17.
17. ГААРК. – Ф.1. – Оп. 1. – Д.165. – Л.17.

Григорьева Л.И.

ОСОБЕННОСТИ МУЗЕЙНОЙ ЭТНОГРАФИИ КРЫМА В 20-е – нач.30-х – годов XX ст. НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Современная действительность показывает, что среди разнообразных просветительских учреждений, пропагандирующих культурные достижения народов, особое место принадлежит музеям. Как одно из важных доказательств их значимости является впервые принятый в Украине 29 июня 1995 года «Закон України про музеї та музейну справу», который обозначает музеи как «культурно-освітні та науково-дослідні заклади, призначені для вивчення, збереження та використання пам'яток природи, матеріальної і духовної культури, прилучення громадян до надбавь національної і світової історіко-культурої спадщини»[1].

Заметная в Украине тенденция повышения роли музеев обуславливает необходимость изучения истории этнических культур. Для Крыма актуален опыт работы местных музеев, учитывающих особенности этнической истории полуострова. Тема в литературе практически не разработана, лишь отчасти она затра-